

Г. Н. Мокшин

Л. Е. ОБОЛЕНСКИЙ КАК ИДЕОЛОГ ЛЕГАЛЬНОГО НАРОДНИЧЕСТВА 1880-х ГОДОВ

Русский философ, социолог, литературный критик и публицист народнического направления Леонид Егорович Оболенский (1845—1906), к сожалению, давно уже принадлежит к числу полузабытых отечественных мыслителей XIX в. Даже историкам народничества Л. Е. Оболенский больше известен как редактор научно-популярных журналов “Мысль” и “Русское богатство”. Общественно-политические взгляды одного из главных теоретиков легального народничества 1880-х гг. никем серьезно не изучались, видимо, потому, что в литературе за ним закрепилась репутация крайне правого мыслителя в духе известного “интеллигентофаба” И. И. Каблицы¹.

На самом деле еще с конца 1870-х гг. Л. Е. Оболенский вынашивал идею создания особого, “синтетического” течения в народничестве, призванного примирить крайности “поборника народа” И. И. Каблицы-Юзова и “поборника интеллигенции” Н. К. Михайловского. И хотя попытка дать научное обоснование новой тактике сближения интеллигенции с народом (на основе “научной теории счастья”) была воспринята другими идеологами легального народничества, образно говоря, “в штыки”, публицистические статьи Оболенского, на наш взгляд, внесли свою лепту в развитие общественной мысли пореформенной России.

Леонид Оболенский родился в марте 1845 г. в городе Мало-архангельское Орловской губернии в довольно зажиточной дворянской семье. В начале 1860-х гг. после Орловской гимназии Оболенский учился сразу в нескольких высших учебных заведениях. Примерно год он слушал лекции по химии, физике и физиологии в Медико-хирургической академии и, по некоторым сведениям, в Петербургском университете. Весной 1862 г. Оболенский перебрался в Москву, где два с половиной года состоял вольнослушателем юридического факультета Московского университета, попутно посещая лекции по философии.

Учился Л. Е. Оболенский, по собственному признанию, не

особенно прилежно, так как чаще, чем в университете он “слушал лекции (и сам проповедовал) в кружках, возникших в то время в Москве”². Сблизившись с народническим кружком Н. А. Ишутина, Л. Р. Оболенский становится одним из активных участников революционного движения 1860-х гг. Тем не менее пребывание в стенах самых крупных научных центров дореволюционной России оказало заметное влияние на формирование мировоззрения будущего идеолога так называемого “научного народничества” 1880-х гг.³

В апреле 1866 г. по делу Дм. Каракозова Оболенский был заключен в Петропавловскую крепость, где сознался в “страшном покушении (ишутинцев — Г.М.) на освобождение Чернышевского”⁴. Спустя полгода Оболенского выслали из столицы под надзор полиции в Костромскую губернию, а в 1870 г. в г. Орел. В годы ссылки будущий журналист увлекся изучением политической экономии, социологии и философии. Тогда же появились первые статьи Оболенского по общественным вопросам в “Орловском вестнике”.

В 1878 г. Оболенский переехал на постоянное жительство в Петербург, где сотрудничал в журнале Н. П. Вагнера “Свет”. Спустя два года последний был переименован в “Мысль”, а Оболенский становится его фактическим руководителем. В конце 1882 г. он покупает у С. Н. Бажина право на издание “Русского богатства”. Подписчиками журнала, которому Оболенский постарался придать “научный” характер, публикуя в нем многочисленные статьи по философии, эстетике и социологии, стали бывшие читатели “Мысли”, представлявшие “средние круги” российской интеллигенции⁵.

На страницах своих изданий Л. Е. Оболенский зарекомендовал себя наиболее ярким проповедником “культурных начал на основах мирной социальной эволюции”⁶, т.е. выразителем культурнической тенденции в народничестве.

Культурническое течение в среде радикально настроенной молодежи зародилось еще в 1860-е гг., вместе с первыми попытками создания интеллигентских артелей и общин. Их члены намеревались произвести ряд социальных опытов по практической разработке идеала общечеловеческого счастья, достигаемого путем труда, без эксплуатации человека человеком. Очарованный романом Н. Г. Чернышевского “Что делать?”, Оболенский был одним из участников этих социальных экспериментов.

Важным толчком на пути преодоления народниками социального утопизма послужила неудачная практика “хождения в на-

род” середины 1870-х гг., обнаружившая, что интеллигенцию и народ разделяют не столько внешние социальные перегородки, сколько разное отношение к окружающей жизни и почти полное взаимное незнание и непонимание. Народ не хотел сближения с интеллигенцией не просто потому, что видел в ней своих вчерашних господ. Он не принимал самой идеологии народничества, отвергавшей его традиционные православно-монархические идеалы. Преодолеть это недоверие народа силой убеждения, на что изначально делалась ставка идеологами революционного народничества, было практически невозможно⁷. Не случайно именно в 1875 г. с критикой надежд на осуществление “всеисцеляющих” идеалов интеллигенции при жизни нынешних поколений выступит публицист народнической газеты “Неделя” П. П. Червинский, а чуть позднее И. И. Каблиц-Юзов. По мнению последнего, продолжать действовать в этом направлении означало “уподобиться бюрократическому государству, которое никогда не считалось с мнениями и желаниями народа и от которого русская интеллигенция эмансипировалась после 1861 г.”⁸.

Известно, что после возвращения из ссылки Оболенский становится близким другом Каблиц-Юзова. По свидетельству И. Ясинского, в конце 1870-х гг. они вместе посещали литературные собрания, устраиваемые редакцией журнала “Слово”⁹. Сам Оболенский расскажет впоследствии о том глубоком впечатлении, которое произвела на него первая большая работа Каблицы “Русские диссиденты. Староверы и духовные христиане” (СПб., 1881). “Книга Юзова, — пишет Оболенский, — убедила меня, что в народе есть своя интеллигенция, что в нем живут и не умерли начала древней русской “свободы совести” и даже гражданской свободы. Таким образом, в моих глазах изменилась роль интеллигенции относительно народа. Я признал, что интеллигенции необходимо прислушиваться к голосу самого народа и серьезно считаться с этим голосом, не навязывая народу того, что “не в его духе”, или национальном характере”¹⁰.

Свои взгляды на “народ” и “интеллигенцию” Л. Е. Оболенский впервые изложил в 1879 г. в статье “К истории развития нашей интеллигенции”. Это развитие представлялось народнику как движение от “платонического сочувствия народу, изукрашенного всеми радугами незнания, и метафизического отношения к народу” к осознанию необходимости научного изучения его мысли и жизни. По мнению автора, каждый организм лучше всего знает, что ему нужно: хлеба, мяса, воды или свежего воздуха. Задача интеллигенции: “уметь слышать каждое биение его

пульса, каждое движение его мысли и желаний, уметь облечь их в соответствующие идеи, в форму литературную, поэтическую, беллетристическую, публицистическую и законодательную”¹¹. Пока сам народ еще не умеет этого делать. Ниже Оболенский замечает, что в настоящее время только небольшая часть интеллигенции находится на высоте понимания своего истинного предназначения. Большинство ее “не умеет слушать и видеть”, так как у нее перед глазами стоят образы европейской жизни и она постоянно увлекается ими. “Авторитет чужой мысли заел нас”, — заключает публицист. “От этого-то наша интеллигенция вечно навязывает народу свои вкусы, потребности и желания. Вечно смешивает интересы народа с интересами и стремлениями других классов”¹².

В начале 1880-х гг. не только революционные народники, но и народники-легалисты переживали серьезный идейный кризис. Одним из его проявлений была известная полемика о истинном и ложном “народничестве”, начатая “неделистом” И. И. Каблицем-Юзовым и втянувшая в свою орбиту все народнические органы печати. Суть разногласий сводилась к вопросу о том, должна ли интеллигенция посвятить себя удовлетворению повседневных нужд народа или у нее есть задача поважнее: добиться от самодержавия смягчения существующего в стране политического режима. Последнюю позицию особенно активно отстаивали политические радикалы из “Отечественных записок”, доказывавшие, что дело идет об окончательном истреблении прогрессивной русской интеллигенции, подобно тому, как был истреблен волк в Англии¹³.

Став во главе “Мысли”, Л. Оболенский, несмотря на идейную и личную близость к Юзову, попытался превратить свой журнал в орган консолидации всей народолюбивой русской интеллигенции. “Мы, — писал Оболенский, — всегда провозглашали... чувства положительные, созидающие, творческие: любовь, альтруизм”, “в наших идеях — стремление к синтезу, к отысканию даже в мнении противников доли истины, а в мнении единоверцев — ошибок и заблуждений”. “Мы были и остаемся синтетиками; объединителями всего здорового и полезного для страны и народа, какой бы партии ни принадлежало это хорошее”¹⁴.

Идейной почвой для объединения интеллигентских фракций (от крайних радикалов до умеренных либералов), по убеждению Оболенского, могла послужить так называемая теория органического развития общества, усиленно пропагандируемая им с кон-

ца 1870-х гг. В обобщенном виде она сводится к трем ключевым положениям: 1) общественное развитие должно быть органичным; всякие насильственные скачки прогресса или регресса порождают потрясающие болезни социального организма, неизлечимые веками; 2) для утверждения новых общественных форм необходимы соответствующие нравственные и культурные предпосылки, ибо всякая общественная форма коренится в идеях, привычках и чувствах людей и ими же держится; 3) главным условием культурных успехов является *саморазвитие* и *самодеятельность* основного населения страны, активное участие народа и общества в гражданской жизни страны.

“Мы, — пишет Оболенский, — как нация, чересчур отстающая от других, поняли, когда проснулись, необходимость только усиленной прогрессивной работы, чтобы скорее догнать других. От этого мы и забыли другую сторону дела: статическую” (повседневные потребности общественного организма в питании, образовании и т.п., без чего невозможно его существование). “Идеалы и прогресс — вещи прекрасные”, но возможны ли они в голодном обществе?¹⁵

Было время, когда прогрессивная литература, желая пробудить дремавшие силы общества, смеялась над маленькими делами, называя их паллиативами. В итоге у нас “каждая мошка считает себя призванной вершить одни только великие дела!”. Однако большинство общества состоит не из героев, а из обыкновенных средних людей, которым эти великие дела не по плечу. Поэтому отрицание “маленьких идеальчиков” привело не к признанию “больших” идеалов, а к совершенному отрицанию всяких. “Помилуйте, как же! Работать теперь, при существующем порядке... В этих словах, — замечает Оболенский, — все: и холопская лень, и холопская трусость, и холопские отговорки!”. А все потому, что “мы белоручки, потому что мы ничего не умеем делать, потому что нам все далось даром: и наше образование, и наше общественное положение, и наши средства к жизни. Мы, как истинные лакеи, не будем работать черную работу: на это есть пониже нас, а мы состоим при господах-идеалах!”¹⁶.

В нашей исторической литературе еще с дореволюционных времен сложилось убеждение, что автором “теории малых дел” был Я. В. Абрамов, выдвинувший и обосновавший ее на страницах газеты “Неделя” в середине 1880-х гг.¹⁷ В действительности теоретическое обоснование программы мирной культурно-интеллектуальной деятельности интеллигенции в деревне было сделано на

рубеже 1870—1880-х гг. целой когортой народников (И. И. Каблиц-Юзов, В. С. Пругавин, Г. П. Сазонов, С. Я. Капустин и др.), среди которых почетное место должно принадлежать Л. Е. Оболенскому. Он чуть ли не первым из вчерашних социальных революционеров задался вопросом: как убедить интеллигенцию в возможности утверждения высших общественных форм из частных их улучшений, осуществляемых силами самого общества.

По убеждению Л. Е. Оболенского, интеллигенция должна забыть свои планы опекунов над народом. Инстинкт заботы о “своем мужике”, усвоенный “кающимися дворянами” (потомками прежних бар), за последние годы мало-помалу выродился и заменился свободным договорным отношением. Народу нужны не благодетели, а простые оплачиваемые работники, хорошо знающие свою специальность и не боящиеся серой, будничной работы. Их прямой долг и первейшая обязанность — вооружить простой народ “культурными средствами” борьбы за существование (образование, новейшая техника, интенсивное хозяйство), чтобы привести его к такому умственному и нравственному уровню, когда он сам будет в силах справиться со своими экономическими и моральными “болезнями” и нуждами. Такие люди, уверял своих читателей публицист, стали бы “героями расцвета народной жизни”, “первыми пионерами, которые засыпят пропасть непонимания, какая лежит между народом и интеллигенцией, между миром мысли и миром земледельческого труда...”. Больше от интеллигенции ничего не требовалось, ибо если она все это выполнит, то “высшая культура придет само собой”¹⁸.

Заметим, что новая программа служения народу позволила идеологам правого народничества пересмотреть утвердившееся в либерально-демократической среде понимание слова “интеллигенция”. По мнению публицистов “Дела” и “Отечественных записок”, истинная интеллигенция — это бессловесная общественная группа, объединенная идеями социального прогресса, всеобщего блага и процветания. Подобное понимание природы радикальной интеллигенции давало ей право претендовать на роль выразителя и защитника общенародных интересов, творца новых форм и этических идеалов, которые она собиралась “премировать” широким трудящимся массам¹⁹. Л. Е. Оболенский, наоборот, доказывал, что подобный подход сужает понятие интеллигенции, исключая из нее “миллионную” армию “культурного пролетариата” (учителей, адвокатов, акушеров, ветеринаров,

агрономов, статистиков и т.д.). Настоящая интеллигенция — это не только те, кто “совершают прогресс”, “великие дела” и т.п., но и “люди мелкой, будничной работы: ради куска хлеба для народа и хоть какой-нибудь грамоты”, которые своим самоотверженным трудом подготавливают почву для более динамичного развития русской жизни²⁰.

Доказывая необходимость более внимательного отношения интеллигенции к насущным потребностям народа, Оболенский призвал в союзники Ф. М. Достоевского как представителя “партии русского народа”. Великий писатель казался Оболенскому даже большим народником, чем главный защитник “истинного народничества” Каблиц-Юзов. Рассматривая статью своего товарища “Что такое народничество?” (Неделя. 1880. № 31), публицист приходит к выводу, что Каблиц, подобно либералам, судит о желаниях народа “с точки зрения идеала самой интеллигенции”, т.е. выбирая из них симпатичные для себя и совершенно игнорируя большинство других (не симпатичных) идей и стремлений народа²¹.

Народничество Достоевского, по Оболенскому, было не такое, как у остальных народников. Достоевский призывает интеллигенцию любить не теоретический народ, а живой и конкретный. “...Нельзя служить одной какой-нибудь стороне жизни народа, а в то же время прать противу основных начал народной психики в их *целом*, которые суть факт, его же не перескочишь, факт, заявляемый ежедневно народом, но перед которым интеллигенция привыкла только вопиять да ужасаться...”²².

Превознося Достоевского как “выразителя простого православного люда”, Оболенский в то же время никак не мог согласиться с его желанием “подавить совершенно интеллигенцию и ее живые насущные потребности”. По мнению народнического публициста, “необходимо, чтобы ни интеллигенция не преобладала, ни народ, а чтобы они уравнивали друг друга” — вот формула, на которой могла бы сойтись вся русская интеллигенция²³.

Попытки Оболенского синтезировать “поборников интеллигенции” и “поборников народа” на основе эволюционной теории развития общества продолжались и в “Русском богатстве”²⁴. Однако серьезного влияния на взгляды и настроения интеллигенции научные выкладки Оболенского не оказали, о чем свидетельствует небольшое число подписчиков его журнала. Сам народнический идеолог объяснил свою неудачу засильем школы главного апостола прогрессивной интеллигенции того времени — Н. К. Михайловского.

О своем несогласии с позицией Михайловского Оболенский заявлял много раз еще до закрытия “Отечественных записок”. Например, в одной из статей в журнале “Мысль” Оболенский обвинил “кумира молодежи” и его “подручных” в том, что они “то и дело дают пинки народничеству” (Ф. М. Достоевскому, сотрудникам “Руси” и “Недели”), а “Отечественные записки” в целом — в измене народу, который не подтвердил “блестящих ожиданий”, возлагаемых на него интеллигенцией²⁵.

О подлинных мотивах полемики Оболенского против своего собрата по народническому лагерю, которого он в молодые годы любил и почитал, как и вся радикально настроенная молодежь, существуют разные точки зрения. Так, Б. Г. Глинский в статье “Памяти Л. Е. Оболенского” заметил, что покойный был от природы человеком очень самолюбивым. Однако по ряду причин “он не мог иметь громадного успеха в широких кругах читателей и оставался как бы на втором месте в журналистике, заслоненный публицистом-социологом, гордо и с громким успехом шествовавшим под обаятельным для массы знаменем, на котором ярко значились слова: не эволюция, а революция”. Отсюда, пишет Глинский, общественная уязвленность и неудовлетворенность Оболенского²⁶. Но наряду с личными мотивами критические выступления Оболенского, несомненно, содержали серьезные идейные соображения, связанные с негативной оценкой личности Н. К. Михайловского и его роли в русском общественном движении.

В Рукописном отделе Института русской литературы и искусства (Пушкинский дом) хранятся несколько писем Оболенского к Михайловскому, в которых редактор “Русского богатства” прямо обвинял главного “корифея либерализма” в личной ответственности за апатичное, бездеятельное состояние русского общества, погрузившегося в хаос и “бросающегося от тоски из одного омута в другой”. “Вы, — писал Оболенский в марте 1885 г., — воспитывали такие принципы, которые не могли, по моему, выдержать ни малейшего напора. Мне это казалось всегда очевидным, и в моих статьях я пытался показать это, но бороться с установившимися авторитетами и корифеями нам было не под силу, нас игнорировали, плевали на нас, клеветали и инсинуировали к публике... и, если хотите, нас задавили...”. “Вы были героями дня, любимцами толпы, министрами положения и возражать Вам было столь же опасно, как и настоящим министрам. Вы имели за собой толпу и всякое слово против Вас и Ваших друзей казалось нарушением самого либерального кодек-

са, преступлением против самой истины и прогресса... Вы буквально давили нас, давили “мнение”, идею, а не разбирали их и не опровергали. Вы действовали авторитетом, силой своей популярности, а не доводами. Чем же это отличается от обыкновенной цензуры?” Вы, продолжает Оболенский, отняли у читателей “свободу мыслить, выслушав и противную сторону. А ведь это уже деспотизм, это злоупотребление той властью, которою Вас облекла публика”. “...Вы возложили все надежды на внешнюю перестройку общества из того же гнилого материала и сами запутались в сети этой ложной (по-моему) теории, сами подпали влиянию “положения”, сами увлеклись властью, сами злоупотребили ей, заразившись чувствами монархов, которые в каждой критике видят не только личного, но и государственного врага”²⁷.

Весьма примечательно, что, получив в свой адрес столь серьезные обвинения, Н. К. Михайловский их просто проигнорировал. “Я был сердечно тронут искренностью Вашего письма и очень Вам за него благодарен”, — читаем мы его ответ. Но для серьезной полемики по существу обозначенных Оболенским разногласий одной искренности оказалось мало: “...чтобы спор приносил пользу, нужно спорить печатно”²⁸. Иными словами, Н. К. Михайловский предлагал своему оппоненту вынести накопившиеся обиды на суд широкой публики. Нетрудно догадаться, чью сторону поддерживали бы многочисленные поклонники бывшего редактора “Отечественных записок”, если бы Оболенский принял это предложение.

После 1885 г., окончательно убедившись в неготовности интеллигенции к объединению под одним общим идеалом, Л. Е. Оболенский все больше эволюционирует вправо и становится одним из яростных защитников морально-этических исканий Л. Н. Толстого. Отныне издатель “Русского богатства” будет развивать свои народнические идеи в “толстовском” духе, т.е. делая упор на умственное и нравственное самосовершенствование личности, как главное условие всех позитивных общественных изменений. Правда, уже в 1890-е гг. отношение Оболенского к учению Толстого о непротавлении злу насилем станет более сдержанным. В одном из писем публицист признается: “я убедился всей моей жизнью, что непротавление только разжигает произвол...”²⁹.

В 1891 г. Оболенский был вынужден продать обремененное долгами “Русское богатство” другому народническому публицисту, С. Н. Кривенко, а фактически своему главному антагонисту — Н. К. Михайловскому.

После фиаско с “Богатством” Оболенский откажется от издательской деятельности, в то же время продолжая выступать со статьями в столичных и провинциальных органах печати либерально-демократической ориентации.

Л. Е. Оболенский был одним из первых идеологов легального народничества 1880-х гг.; кто осознал самоценность мирной культурной деятельности, т.е. значения для русской интеллигенции *личного* служения общественным потребностям путем добросовестного выполнения своих профессиональных обязанностей. Однако по причине слабости в России традиций культуртрегерства эти и другие его идеи в свое время не получили должного понимания и поддержки. Стремление же публициста к примирению правых и левых народников, народников и либералов, а в 90-е гг. XIX в. — народников и марксистов, увы, вызывали у современников лишь снисходительную улыбку. Подлинное значение общественно-литературной деятельности Л. Е. Оболенского становится понятным только сегодня, когда наша страна в очередной раз пытается усвоить уроки цивилизованного разрешения своих застарелых общественных болезней.

¹ Литературу об Л. Е. Оболенском см.: Русские писатели. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 377—378.

² Автобиография Л. Е. Оболенского // РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, д. 2646, л. 6 об.

³ “Научное народничество” — термин Л. Е. Оболенского, используемый им в работах 1880-х гг.

⁴ *Виленская Э. С.* Революционное подполье в России (60-е гг. XIX в.). М., 1965. С. 235.

⁵ См.: *Книгин И. А.* Л. Е. Оболенский — литературный критик. Саратов, 1992. С. 10.

⁶ *Глинский Б. Г.* Памяти Л. Е. Оболенского // Исторический вестник. 1906. № 11. С. 627.

⁷ Подробнее об “открытии” народниками реального народа см.: *Плимак Е. Г., Пантин И. К.* Драма российских реформ и революций. М., 2000. С. 205—215.

⁸ Интеллигенция и народ // Неделя. 1880. Стб. 313.

⁹ См.: *Ясинский И.* Роман моей жизни. М.; Л., 1926. С. 131, 133.

¹⁰ *Оболенский Л. Е.* Литературные воспоминания и характеристики // Исторический вестник. 1902. № 3. С. 887.

¹¹ *Оболенский Л. Е.* К истории развития нашей интеллигенции. Поэзия Некрасова // Свет. 1879. № 10. С. 213.

¹² Там же. С. 214.

¹³ *Кривенко С. Н.* Собр. соч.: В 2 т. СПб., 1911. Т. 2. С. 313.

¹⁴ [Оболенский Л. Е.] Наше направление // Мысль. 1882. № 12. С. 299.

¹⁵ N.N. [Оболенский Л. Е.] Возможно ли работать только для прогресса // Мысль. 1880. № 12. С. 245.

¹⁶ Там же. С. 242—243; *Л.О.* [*Оболенский Л. Е.*] Обзор руководящих идей нашей печати в 1881 году // Мысль. 1882. № 2. С. 288.

¹⁷ Подробнее см.: *Новак С. Я.* Я. В. Абрамов — пионер “теории малых дел” // Отечественная история. 1997. № 4. С. 80—85.

¹⁸ ...енск... [*Оболенский Л. Е.*] Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1884. № 4. С. 172—176.

¹⁹ Подробнее см.: *Мокишин Г. Н.* Идеологи легального народничества об исторической миссии русской интеллигенции // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2002. № 2.

²⁰ *N.N.* [*Оболенский Л. Е.*] Литературные заметки // Мысль. 1881. № 1. С. 130—131.

²¹ *Л.О.* [*Оболенский Л. Е.*] Народники и г. Достоевский, бичующие либералов // Мысль. 1880. № 9. С. 87—88, 90—91.

²² *Л.О.* [*Оболенский Л. Е.*] Оценка идей Достоевского // Мысль. 1881. № 4. С. 85.

²³ Там же. С. 83—84.

²⁴ См., напр.: [*Оболенский Л. Е.*] О народничестве // Русское богатство. 1884. № 1.

²⁵ *Созерцатель.* [*Оболенский Л. Е.*] Обо всем // Мысль. 1882. № 10—11. С. 185—186.

²⁶ *Глинский Б. Г.* Указ. соч. С. 631.

²⁷ РО ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, д. 493, л. 9—10, 12.

²⁸ Там же, оп. 3, д. 11, л. 8—8 об.

²⁹ Письмо Оболенского Л. Е. к Кривенко С. Н. 18 ноября 1896 г. // РГАЛИ, ф. 2173. оп. 1, ед. хр. 163, л. 6 об.